

В краю Тургенева и Фёта

Можно ли на свете быть счастливей?..

Май — самый важный месяц для каждого русского человека. Не только и не столько потому, что он предвещает лето, начало летней яркой и тёплой жизни. А больше потому, что это месяц Великой Победы. И когда думаешь об этом, кажется, что по-другому и быть не могло. Именно в этот месяц и должна была случиться Великая Победа. Именно в мае мы почему-то особенно остро чувствуем красоту и доброту земли нашей, её трепетность и божественное начало. В сегодняшнем обаянии природы Родины, щедрости её полей и лесов подвиг народа, выстоявшего и победившего в великом испытании, обретает особую значимость, особую духовную ценность. Эту печальную и одновременно радостную, благоговейную связь подвига и величия Родины особенно остро чувствуют и по-своему переживают творческие люди. Так было испокон веков, так будет впредь.

Светлана ГОЛУБЁВА,
член Союза писателей России

фото Сергея Мокроусова

Памяти моего дяди
Алексея Неговоры

Здесь сентябрь, как пирог слоёный,
То оранжевый, то зелёный.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчёл в согласии дружном стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лёшка — костыль под
мышкой
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

ЗЕМНЫЕ СЛЁЗЫ
Букетик ландышей, знакомый
аромат
И белизна, ласкающая взгляд,
И струйка слёз, на чашечку листа
Готовая скатиться, так чиста
И так нежна, что кажется, лишь
тронь —
Слезой омоет тёплую ладонь.
Печаль земли, печаль родного края
В привет дивном солнечного мая.

АНТОНИНА СЫТНИКОВА

«Ты жива ещё, моя старушка...»
С. Есенин

Пока живут ещё старушки
В людях забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Всё ещё может быть права.
И говорят ему о многом
Молитвы простенькой слова:
«Подай сегодня хлеб насущный
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу...»
А вверх уходит: Боже правый,
Спаси Россию в трудный час!
Многострадальная держава
Опять в плену. На этот раз

Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползет, не слышен

выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растёт невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.
И с каждым днём огонь всё выше,
Неистов, яростен и люют.
Но вечевой набат не слышит
Беспечный православный люд.
И лишь отдельные моления
Осанну Вышнему поют.
Стоит старушка на коленях —
Спасает Родину свою.

СВЯЗЬ ВРЕМЁН
Стихи читала о войне
Девчушка в платье сатиновом.
Метались в клубе по стене
Отсветы лампы керосиновой.

Летел и рвался голосок
Сквозь зал немыслимыми
волнами,

В проём окна наискосок
Луна заглядывала полная.
Рыдали бабы не таясь,
А мужики волненья прятали.
Откуда в пигалице связь
С войной прошедшею треклятою?
Косички, галстук... Десять лет.
А в сердце — знание недетское.
От поражений и побед
Мы никуда, видать, не денемся...
Спустя полвека — тот же зал.
(Он не сравним с другими залами!)
Косой закатный луч упал
На обветшалый красный занавес.
И в загустевшей тишине
Со сцены, убранной гравюрами,
Стихи читает о войне
Девчушка в платье гипюровом.

Домов ухоженная сытость,
Газонов стриженный уют,
Благополучная закрытость
В туманы спрятанном краю.
Здесь даже голуби другие —
Откормленные каплуны.
Наотмашь бьют дожди тугие
Всех виноватых без вины.
И плачет в садике берёза.
О чём? Неужто о Руси?
Летят с ветвей дождинки-слёзы,
И шёпот: «Господи, спаси...»
Теряется в невнятной шуме
Сплошного колкого дождя.
Стихия водная бушует,
Невольно душу бередея.
И проступает смутную тенью
Тернистый путь моей страны,
И затаённое смятенье
Ползёт из вещей глубины.
В незримый ряд встают вопросы.
Ищи ответы — не найдёшь.
А за окном берёзке косы
Полощет беспощадный дождь.
Полощут столь же беспощадно
Россию в мире там и тут,
И обвинения нещадно
Клеймом калёным душу жгут.
Но где-то теплится лампада
Молитвой вечной о Руси,
И, как высокая награда,
Приходит — Господи, спаси
Страну мою от злых наветов.
Её ли в том сейчас вина,
Что вновь на грани тьмы и света
В который раз стоит она.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

...Долгое время хранилось у меня
с дюжину аршин тончайшей, добротной
выбеленной поскони. И вдруг пришла
мысль: мол, что ж она неприкаянно
лежит? А не достать ли из дальнего угла
мамину машинку, а не свостожить ли себе
из заветного добра сарафан? Холстины
бабулиной много, ещё и моей дочери на
память останется.

И сладила я себе наряд. По подолу
яркой гладью расшила нашу Аринкину
луговину, дробным густоцветом выкре-
стила по ней таволги да колокольцы.
Запахло от обнвы июньской росой,
свежими покосами, переспелой луго-
вой клубничкой. А грудь, да и всё осталь-
ное поле расшила-разубрала я берёзовой
лиственной да маковым цветом. Ими, бывало,

Отрывок из эссе «Кировская посконь»

украшала матушка перед Троицей нашу
горницу.

Сарафану тому уже несколько лет.
Но он всё ещё как новенький, потому
что надеваю его по особым случаям.

В прошлом году полетела я в чуже-
дальнюю Италию, давно мечталось
посмотреть на иные нравы и обычаи,
узнать, как там, в мире фикусов и пальм,
где вместо наших берёзовых — рощи
оливковые, где вместо лохматого крыжов-
ника у порослого крапивою отцовского
плетня — бесконечные виноградники,
а вместо обмелевшей не на шутку
Кромы — лазурный морской простор.

Лечь на песочке — не в моих пра-
вилах. Привычка, знамо дело, — вторая
натура! Экскурсии, музеи, выставки...
Июль, жара страшная, только в сара-
фан и рядиться. И вот что удивитель-
ное ощущала я каждый раз — ей богу,
не вру! — когда надевала сарафан из
старой бабушкиной поскони в этой
заморской стране. Бродила ли я по раз-
валинам древней Помпеи, проплывала
ли в гондоле узенькими улочками-

каналами Венеции, фотографировала ли
пышно цветущие олеандры вблизи вели-
чественного Колизея, лишь нечаянно
упадёт мой взгляд на подол сарафана —
затмеваются, исчезают, испаряются все
экзотические ароматы.

Зато я сквозь великие вёрсты почую
вдруг, как потянет из кировских лугов
тонким запахом вошедшего в цвет
иван-чая; увижу, как к ручью Жёлтому
вперевалочку, верёвочкой спускаются
с Мишкиной горы шептунье тётки Нини-
лины утки; услышу, как оглашенно пишат
в крохотном лепном гнёздышке над рез-
ным отцовским окошком вечно голод-
ные подростки-ласточата; вдохну вместе
с проголодавшимся дедом Тихоном, что
возит в сельпо из района на Зорюхе хлеб,
аромат свежей чернушки; подивлюсь
ребячьим лукошкам, подзавяз на пол-
ненном белощёйкой земляничкой.

И перестанет манить этот так и не
познанный мною мир и потянет домой,
в поросший донниками Акулинин луг, на
осыпанные дремотными купавами берега
нашей маловодной, неказистой Кромы.

Отрывок из книги «Колыбель моя посреди земли»

Малая родина... Для каждого из нас
остаётся она до окончания дней цент-
ром мира, серединой, пупом земли.
А как иначе-то? Её ведь не сменишь,
нет у нас выбора: даётся она нам при
рождении и впитывается в нас, влюб-
ляет в себя за детство и отрочество так
неистово, что о другой иной и мыс-
лить не помыслишь. Будь это крупный
город или совсем крошечный хуторок,
всё равно — это для нас самое важное,
самое что ни на есть заглавное место
земли русской да и всей вселенной.

Это наша точка опоры. Мы взрослеем,
становимся на крыло, и малая родина
прирастает освоенными нами краями
и странами, людьми и свершениями,
выводя нас на простор Великой Родины,
а там уж — и за её пределы.

Но чуждедальние края, пусть и богатые
своим историческим прошлым, красо-
тою экзотических пейзажей, увлекают
ненадолго. Проходит короткое время,
и вот уже серебристые тополя у родимой
игинской околицы кажутся мне в сто
раз милее пышно цветущих олеандро-
вых рощ Италии, и запах свежего хлеба,
дохнувший в Польше из раскрытых окон
Краковской пекарни, поманит меня ско-
рее возвратиться к отчему порогу, потя-
нет, словно магнит, к середине Земли,
к её центру — к моей Мишкиной горе.

По правде сказать, стоя у её под-
ножия, хочется забрать эти краткие
минуты встречи в город, на память.
Повидав множество заграничных кра-
сот, перевалив за полдень жизни, каж-
дый раз глядяываясь в простенькие
игинские пригорки, в милую сладкую
глушь, по-прежнему ощущаю непереда-
ваемый сердечный трепет. Каждый раз
что-то невыразимое тревожит и будора-
жит меня здесь до перехвата дыхания.
Как же льнёт душа к этому родному зам-
шелому захолустью (может, улавливает
его сакральность?)! До окончания жизни
его звуки останутся для меня заутрен-
ним благовестом, ангельской песнью.

Можно ли на свете быть счастливей
в другом месте, чем на берегу детства,
в местах отроческих лет?